

Ефим Бершин

«Договор между Богом и мною...»

За спиной Семена Липкина стояла история. По крайней мере – история русской литературы. Так мне казалось. Когда мы беседовали на лавочке Дома творчества в Переделкино или позже на его переделкинской же даче, за ним маячили тени Эдуарда Багрицкого, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Арсения Тарковского и других выдающихся поэтов страны. Это ощущение не оставляло ни на минуту. От одной мысли, что точно так же, как со мной, он сидел за столом и пил чай с Мандельштамом, дух захватывало. Ведь таким образом и я прикасался к истории.

Судьба Липкина – лишнее доказательство непредсказуемости Божьего промысла. Казалось бы, какая жизнь могла быть уготована сыну бедного одесского портного, родившегося в 1911 году, еще в царской России, в черте оседлости? Последовать по пути отца? Стать портным, сапожником или даже одесским биндюжником? Ведь из-за известной процентной нормы получить серьезное образование было невозможно. Впрочем, впоследствии Семен Израилевич сам с юмором рассказывал о своих первых шагах в творчестве, то есть о попытках вырваться из замкнутого круга, вроде бы уготованного ему рождением и судьбой.

Для начала, как рассказывала его жена поэтесса Инна Лиснянская, мать отвела маленького Сему в ставшую впоследствии знаменитой на весь мир музыкальную школу Петра Столярского. Знаменитой, поскольку великий педагог воспитал великих скрипачей. Если бы Столярский выпустил в мир только Давида Ойстраха и Леонида Когана, этого уже было бы достаточно. Но он дал путевку в музыкальную жизнь десяткам других выдающихся мастеров. Так вот, Столярский немедленно забраковал приведенного к нему Липкина.

– Как же так? – удивилась его мать. – Ведь у Семы такие музыкальные пальцы!

– Пальцы у него музыкальные, – ответствовал Столярский, – но совершенно нет музыкального слуха.

Оказалось, что слух у Липкина был, но слух несколько иного рода – тончайший слух на слово. Еще мальчиком, учеником реального училища, он принес свои первые стихи в одесскую газету «Моряк». Ему указали кабинет, в который нужно обратиться со стихами. Войдя в комнату, он обнаружил огромный стол, на котором возлежал огромный человек. Это был Эдуард Багрицкий.

– Вы ко мне? – поинтересовался человек. – Стихи принесли?

Липкин протянул незнакомцу стихи и получил указание прийти за ответом назавтра. Но не в редакцию, а домой. При этом непременно прихватить с собой банку шпротов.

На другой день Липкин отправился пешком через всю Одесу на Молдаванку. Пешком – потому что на выделенные отцом на трамвай деньги пришлось покупать шпроты. Явившись по указанному адресу, Липкин обнаружил уставшую женщину, которая обреченно махнула рукой в сторону чердака. В ту же минуту из чердачной прорези высунулась кудлатая голова Багрицкого, а за ней – длинная рука.

– Шпроты принес?

– Принес.

– Давай.

Рука выхватила шпроты, а голова исчезла. Больше Багрицкий так и не высунулся. Литературное свидание на этом было закончено.

Впрочем, именно по совету Багрицкого Семен Липкин переехал в Москву. Багрицкий же, переехавший в столицу раньше, на первых порах и приютил у себя юного земляка, ставшего студентом... инженерно-экономического института. То есть чисто одесская убежденность в том, что «ребенок должен иметь твердую профессию», на первых порах возобладала. Хотя и не совсем. Занятия литературой были, конечно, продолжены, и уже в 1929 году в «Новом мире» были опубликованы его первые стихи – всего лишь три строфы. Но это была уже маленькая литературная победа.

Впрочем, с 1931 года его уже перестали печатать. Чем-то стал неуютен. А может быть, и хорошо, что перестали. Именно в это время начала формироваться знаменитая позже «Квадрига», содружество четырех поэтов – Арсения Тарковского, Аркадия Штейнберга, Марии Петровых и Семена Липкина. Так вот: старший из четверки, можно сказать, идеолог «Квадриги» Аркадий Штейнберг работал в ту пору в редакции литературы народов СССР и предложил Липкину попробовать себя в переводах. В результате мы получили гениального переводчика восточных эпосов и поэм. Калмыцкий эпос «Джангар», киргизский «Манас», бурятский «Гэсэр», «Лейла и Меджнун» Алишера Навои, «Шахнаме» Фирдоуси – все это, как и многое другое, перевел Липкин. Им переведено в общей сложности 180 000 строк восточной классики. Около пятидесяти томов переводов! Только за одно это нужно ставить памятники. Но позже, когда во времена так называемой хрущевской «оттепели» Александр Твардовский вернул оригинальные стихи Липкина на страницы «Нового мира», нашлись литературные (и не очень литературные) критики, заклеившие Семена Израилевича как пропагандиста «байско-феодальных» эпосов. Тем не менее официальную переводческую деятельность Липкин продолжил.

Особенностью Липкина-переводчика было удивительное умение постигать культуру, традиции и язык того народа, с языка которого он переводил. На время работы он просто растворялся в этом народе. Учил языки. Умудрился выучить персидский. Проще говоря, переводя киргизов, он становился киргизом, а переводя калмыков, – калмыком. Позднее эту свою особенность Липкин объяснял тем, что родился и вырос в Одессе – многонациональном и многоконфессиональном «котле», в котором варились десятки национальностей. И совершенно естественно, что язык и культура соседа уже воспринималась как собственная. У Липкина вообще отношение не только к русскому, но и к другим языкам было особенное. Он умел видеть зарождение и развитие языка во времени. Он с восхищением отмечал, что литературный язык может зародиться там, где никто этого не ждет. В этом отношении показательно его стихотворение «Молдавский язык»:

Молдавский язык

Степь шумит, приближаясь к ночлегу,
Загоняя закат за курган,
И тяжелую тащит телегу
Ломовая латынь молдаван.

Слышишь медных глаголов дрожанье?
Это римские речи звучат.
Сотворили-то их каторжане,
А не гордый и грозный сенат.

Отгремел, отблистал Капитолий,
И не стало победных святынь,
Только ветер днестровских раздолий
Ломовую гоняет латынь.

Точно так же блатная музыка,
Со словесной порвав чистотой,
Сочиняется вольно и дико
В стане варваров за Воркутой.

За последнюю ложку баланды,
За окурочек от чьих-то щедрот
Представителям каторжной банды
Политический что-то поет.

Он поет, этот новый Овидий,
Гениальный болтун-чародей,
О бессмысленном апартеиде
В резервацыи воров и блядей.

Что мы знаем, поющие в бездне,
О грядущем своем далеке?
Будут изданы речи и песни
На когда-то блатном языке.

Ах, Господь, я прочел твою книгу,
И недаром теперь мне дано
На рассвете доест мамалыгу
И допить молодое вино.

У Липкина было особое отношение к нациям. Нацию он воспринимал исключительно как культуру. В романе «Декада» Семен Израилевич написал: «Национальное самосознание прекрасно, когда оно самоосознание культуры, и отвратительно, когда оно самоосознание крови». К этому, пожалуй, и добавить нечего. Самосознание нации как самоосознание культуры – ключ ко всеобщему пониманию, ко всеобщему примирению народов и религий. Липкин это не просто понимал, он с этим родился, этим пронизано его поэтическое творчество. Не случайно он, оставаясь иудеем по вере, неоднократно признавался в своей любви к Христу. О его любви к восточным культурам и восточным богам мы уже говорили. Потому что самым важным для Липкина была именно вера, а не способ ее отправления. Вера – светильник, вера – факел, освещающий путь. И всякая попытка в истории загасить этот светильник неизменно заканчивалась катастрофой, мраком в его буквальном значении.

Мы заплатили дорогой ценой
За острое неверие Вольтера;
Раскатом карманьолы площадной
Заглушены гармония и мера;

Концлагерями, голодом, войной
Вдруг обернулась Марксова химера;
Все гаснет на поверхности земной, –
Не гаснет лишь один светильник: вера.

В светильнике нет масла. Мрак ночной –
Без берегов. И все же купиной
Неопалимой светим и пылаем.

И блещет молния над сатаной,
И Моисея жжет пустынный зной,
И Иисус зовет в Ерушалаим.

Невозможно понять творчество Липкина без понимания его отношения к Богу. Потому что весь его длинный жизненный творческий путь освещен и освящен этим светильником веры, который помог, наверно, выжить в самые сложные годы. Ведь Липкин прошел всю войну, он испытал на себе «Сталинградский котел» и другие кровопролитные сражения. Но поразительно его суждение о великой Победе.

– Как-то Семен Израилевич поспорил со своим другом писателем Василием Гроссманом, еще не успевшим написать свой знаменитый роман «Жизнь и судьба», – вспоминала Инна Лиснянская. – Гроссман стал что-то говорить о важной роли партии и политотделов в победе над гитлеровцами. Реакция Липкина была мгновенной: «Не вижу никакой роли партии в победе. Победил Бог, вселившийся в народ».

Уже после войны, в начале шестидесятых, Семен Липкин написал свою знаменитую военную поэму «Техник-интендант», в которой, кстати, и показал на совершенно частном, простом случае, как на войне жили простые люди, в которых вселился Бог. Анна Ахматова причислила поэму к лучшим русским стихам на военную тему. Но, на мой взгляд, абсолютным поэтическим шедевром, созданным Липкиным по следам войны, является его стихотворение «Моисей»:

Тропю концентрационной,
Где ночь бессонна, как тюрьма,
Трубой канализационной,
Среди помоев и дерьма,

По всем немецким и советским,
И польским, и иным путям,
По всем печам, по всем мертвецким,
По всем страстям, по всем смертям –

Я шел. И грозен, и духовен
Впервые Бог открылся мне,
Пылая пламенем газовен
В неопалимой купине.

Увидеть в пламени газовен концентрационных лагерей неопалимую купину дано было не каждому. Горящий куст, когда-то принесший человечеству Скрижали, но ставший средством истребления людей, – страшное предупреждение тому же человечеству. И Липкин это понял. Потому что знал, что Бог – не добрый и злой. Он – Бог. А злыми бывают люди, нарушившие Завет. Поэтому Липкин не жаловался Богу, не роптал, подобно Иову. Он просто широко раскрытыми глазами смотрел на страшную действительность войны и не плакал. Потому что «плакать нельзя».

Военная песня

Что ты заводишь песню военну.
Державин

Серое небо. Травы сырые.
В яме икона панны Марии.
Враг отступает. Мы победили.
Думать не надо. Плакать нельзя.
Мертвый ягненок. Мертвые хаты.
Между развалин – наши солдаты.
В лагере пусто. Печи остыли.
Думать не надо. Плакать нельзя.

Страшно, ей-богу, там, за фольварком.
Хлопцы, разлейте старку по чаркам,
Скоро в дорогу. Скоро награда.
А до парада плакать нельзя.
Черные печи да мыловарни.
Здесь потрудились прусские парни.
Где эти парни? Думать не надо.
Мы победили. Плакать нельзя.

В полураскрытом чреве вагона –
Детское тельце. Круг патефона.
Видимо, ветер вертит пластинку.
Слушать нет силы. Плакать нельзя.
В лагере смерти печи остыли.
Крутится песня. Мы победили.
Мама, закутай дочку в простынку.
Пой, балалайка, плакать нельзя.

Война – это, конечно, особая тема для Липкина. Но у него ведь и в мирные годы продолжалась война. Другая, но – война. Ее апогеем, пожалуй, уже в пожилые годы стала история с подцензурным альманахом «Метрополь», куда он, как и многие другие писатели того времени, передал свои стихи. После выхода альманаха началась травля в советской прессе. Хотя, честно говоря, ничего особо крамольного в альманахе не было. Просто чисто стилистически он очень отличался от официальных публикаций того периода. Впрочем, стилистика – это очень много. Это, может быть, самое важное. Не случайно на суде Андрей Синявский заявил, что у него с советской властью именно стилистические разногласия. Такие разногласия были и у Липкина, который вместе со своей женой Инной Лиснянской вышел из Союза писателей СССР в знак протеста против исключения оттуда молодых писателей Виктора Ерофеева и Евгения Попова.

Опять начались трудные годы. И Липкина, и Лиснянскую перестали публиковать. С жильем тоже были проблемы. И это у человека, награжденного медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и четырежды (!) орденами «Знак Почета». Но в этот период его активно начали печатать в других странах. В 1981 году Иосиф Бродский составил для издания в Америке книгу Липкина «Воля» и добавил: «Повезло мне». А говоря о военных стихах Семена Израилевича, Бродский сказал буквально следующее: «Такое впечатление, что он один за всех – за всю нашу изящную словесность – высказался».

Но, как написал когда-то Александр Кушнер, «времена не выбирают – в них живут и умирают». Времена изменились, и долгожитель Липкин опять стал востребован. Его стихам и прозе были

рады любые издания. Его стали награждать, любить и лелеять. Но он оставался, как всегда, невозмутим, верен себе, своим мыслям, своим представлениям о мире и людях. И – своей работе. Незадолго до смерти, когда ему было за девяносто, он успел закончить гигантский труд – переложение эпоса «Гильгамеш».

А 31 марта 2003 года почти девяностодвухлетний Липкин вышел погулять по двору переделкинской дачи. Он уже давно сам никуда не ходил. Тем более – когда снег и лед. А тут тайком оделся и незаметно вышел на улицу. Дошел до калитки, вдохнул еще морозного воздуха, огляделся по сторонам и упал замертво.

После войны, в 1946 году он написал:

Если в воздухе пахло землю
Или рвался снаряд в вышине,
Договор между Богом и мною
Открывался мне в дымном огне.

31 марта 2003 года срок договора закончился. Но не закончился Липкин. Не закончились его стихи. 27 апреля нынешнего года в Одессе на Пушкинской улице открывали мемориальную доску Семену Израилевичу Липкину. В суете открытия среди множества народу и под аккомпанемент речей я поначалу плохо отдавал себе отчет в том, что происходит. Но, придя на Пушкинскую на следующий день и увидев его портрет на стене, в очередной раз поразился причудливости судеб. Из мрамора на меня глядел тот самый Липкин, с которым мы разговаривали, пили чай и даже пару раз вместе выступали. Поверить в это уже невозможно. Можно только догадаться, что так уходят в вечность поэты.

